

ЛЕЖЕБОКОВ
Андрей Александрович
доктор социологических наук,
профессор, профессор, Северо-
Кавказский федеральный
университет, Ставрополь, Россия
leghebokov@yandex.ru

LEZHEBOKOV
Andrey Aleksandrovich
Grand PhD in Sociological
sciences, Professor, Professor,
North Caucasus Federal
University, Stavropol, Russia
leghebokov@yandex.ru

ТЕР-АВАНЕСОВА Ирина Николаевна
преподаватель кафедры
Северо-Кавказский федеральный
университет, Ставрополь, Россия
iteravanesova@ncfu.ru

TER-AVANESOVA Irina Nikolaevna
Lecturer, North Caucasus Federal
University, Stavropol, Russia
iteravanesova@ncfu.ru

ШМАТОВА Анна Николаевна
кандидат социологических наук,
Северо-Кавказский федеральный
университет, Ставрополь, Россия
ashmatova@ncfu.ru

SHMATOVA Anna Nikolaevna
PhD in sociological sciences,
North Caucasus Federal
University, Stavropol, Russia
ashmatova@ncfu.ru

Стратегия модернизации национального сегмента цифрового социального пространства «цифровой архитектоники» / Strategy for modernization of the national segment of the digital social space of "digital architectonics"¹

Аннотация

В статье предлагается стратегия модернизации национального сегмента цифрового социального пространства «цифровой архитектоники» – динамической системы взаимодействия важнейших сфер жизнедеятельности. Выявляются инструменты системы социального сдерживания, обеспечивающие устойчивое цифровое развитие, и определяются основные направления модернизации.

Ключевые слова

Модернизация; цифровая архитектоника; цифровое социальное пространство; устойчивое развитие; социальное сдерживание; социальные предохранители; цифровой суверенитет.

Abstract

The article proposes a strategy for modernizing the national segment of the digital social space of «digital architectonics» - a dynamic system of interaction between the most important spheres of life. The tools of the system of social deterrence that ensure sustainable digital development are identified, and the main directions of modernization are determined.

Keywords

Modernization; digital architectonics; digital social space; sustainable development; social deterrence; social safeguards; digital sovereignty.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00260 «Перспективы социокультурного развития Карачаево-Черкесской Республики».

Теория модернизации органично дополнила идеи исторической эволюции и социальных изменений: традиционные взгляды по-прежнему не исключали возможности распада цивилизаций, а революционные деформации быта порождали тревожные ожидания, но в обществе начало формироваться мнение: «где опасность, там вырастает и спасительное»¹. Экономические успехи, ставшие результатом прогрессирующего индустриального развития, обеспечили первоначальную благосклонность общества к идеям усовершенствования и обновления бытия до «лучшей, чем то, что ей предшествовало»² формы, но не смогло обеспечить всеобщего одобрения на постоянной основе. Чем ближе к сегодняшнему дню, тем мрачнее взгляды на достижения «незавершенного проекта»³ модернизации.

Ю. Хабермас объясняет субъективную составляющую подобного пессимизма тем, что искомый термин «усвоили два противоположных лагеря: с одной стороны, неоконсерваторы; с другой стороны – радикальные критики роста, те, для кого новое строительство стало символом разрушения»⁴. В результате «миф прогресса» был обвинен в причастности к большинству пороков современной цивилизации, которая вместо обещанных в перспективе построения «общества знания» благ, сформировала «лишь его «проклятую сторону» – электронно-развлекательно-потребительский эрзац»⁵.

Объективные причины отрицательных результатов модернизации кроются в отсутствии ее стратегии, деконкретизации или неверном определении вектора развития, движущих сил и ресурсного потенциала обновляемой системы. Несвоевременные реакции институциональных механизмов на эволюционные и революционные изменения современного мира, среди которых: экспонентное технологическое обогащение всех сфер общественной жизни, молниеносное и непредсказуемое изменение геополитической и эпидемиологической обстановок, приводят к появлению догоняющей модификации модернизации, при долгосрочной перспективе которой, даже успешное обновление институциональных элементов имеет малую итоговую значимость.

Сегодня стремительное развитие технологий, вплетенных в социальное тело, формирует принципиально новую структуру современного общества – цифровую надстройку или «цифровую архитектуру» – систему динамического взаимодействия важнейших сфер жизнедеятельности и приглашает задуматься над стратегией ее оптимального развития. Специфика «цифровой» среды является составляющей цифровой архитектуры однозначно предопределяет необходимость модернизации: «техника не создает совершенный мир, но на каждом шагу создает в мире новые трудности, а, следовательно,

¹ Хайдеггер М. «Время и бытие» (статьи и выступления) М.: Республика, 1993

² Федотова В.Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. No 12. С. 3-21.

³ Habermas J. Moderne und Postmoderne Architektur (1981) // J. Ha-bermas. Die Neue Unübersichtlichkeit. Kleine Politische Schriften V. S. 11—29 © Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main 1985.

⁴ Там же.

⁵ Мартынов В.С. Политический проект модерна. От мирэкономки к мирполитике. Стратегия России в глобализирующемся мире – М.: Росспэн, 2010.

и новые задачи»¹. Стагнация подобной системы не только невозможна, но и губительна для всей институциональной структуры как на цифровом, так и на традиционном уровнях.

Признавая за основу концепт «гомеостатического равновесия», в котором институты социальной системы постоянно меняются и приспосабливаются друг к другу для сохранения гомеостаза, а системное равновесие достигается за счет «функционального императива»: adaptation-адаптация к окружающей среде, потребность соотношения с окружающей средой при использовании ее ресурсов, goal attainment - целедостижение, постановка задач, стоящих перед системой, integration - интеграция, связывание институтов воедино, поддержание внутреннего порядка, и наконец: latency - поддержание и передача латентного образца ценностей от поколения к поколению², дополним: предпочтительная для цифровой архитектоники стратегия модернизации – устойчивое, коррелирующее с институциональными трансформациями, развитие.

Оборот «устойчивое развитие» («sustainable development») уже сложился в науке, успев превратиться «в мантру XXI века»³. Идея, привнесенная в глобальную экологию из природопользования, прорабатывается современными исследователями неоднозначно. В рамках данной концепции, рассматривающей развитие общества в срезе трех измерений: экономического, экологического и социального, к сожалению, отсутствует общепринятый подход к трактовке социальной составляющей и ведутся длительные дискуссии о корректности титульного определения. Многие авторы, ссылаясь на дрящущий характер прилагательного «sustainable» предлагают его уточнение: «непрерывно поддерживаемое долговременное развитие»⁴, но отметим, применительно к цифровой архитектонике такая формулировка является скорее констатацией стандартного состояния.

В наиболее общем виде под устойчивостью понимается такой ход модернизации, при которой «создаваемые условия жизни не влекут деградации человека и социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества»⁵. Э. Майер дает более краткую, но одновременно и более емкую характеристику, имеющую значение для обновленной в рамках цифрового мира системы координат: «устойчивость — это отсутствие негативных интертемпоральных эффектов»⁶. Согласимся, развитие технологий в современных геополитических, эпидемиологических, экономических условиях напрямую связано с риском возникновения подобных эффектов. В процессе модернизации «все больше и больше высвобождаются такие деструктивные силы, которые просто не доступны человеческому воображению»⁷. П. Вирильо, критично

¹ Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы. — М.: Алгоритм, 2007. — 272 с.

² Parsons T. The Evolution of Societies. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1977.

³ Dyllick Th., Hockerts K. Beyond the Business Case for Corporate Sustainability. Business Strategy and the Environment, 2002, vol. 11, iss. 2, p. 130.

⁴ Устойчивое развитие: Новые вызовы: Учебник для вузов/ Под общ. ред. В. И. Данилова-Данильяна, Н. А. Пискуловой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. — 336 с.

⁵ Там же.

⁶ Meyer E.C. Social Aspects of Sustainability. Münster, 2000, January.

⁷ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н.

расценивая последствия современной технической революции, отмечал: «фея электроники» обещает магическое исполнение желаний», но создает информационную бомбу, перспектива взрыва которой требует «установления системы социального сдерживания и внедрения «автоматических предохранителей» для предотвращения перегрева - расщепления социального ядра»¹.

Работающая система подобных предохранителей - основа эффективной стратегии устойчивого цифрового развития. На неформальном уровне институциональной системы цифровой архитектоники гарантией стабильности выступает специфика ее культурного ядра - чрезвычайно высокая сила социальной инертности, защищающая традиционные и привычные социальные механизмы срабатыванием характерного для инерционных систем предохранителя: эффекта запаздывания- «сопротивления социального габитуса индивидов незапланированным обществу процессам вплоть до торможения или их полного связывания»². На формальном уровне защитный механизм располагается в институтах управления, устанавливающих и обновляющих комплекс необходимых для сбалансированного развития общества регуляторов и представляет собой особое свойство, позволяющее осуществлять эту деятельность наиболее эффективно.

Традиционно, для определения комплекса регуляторов возможных или обязательных для применения мы прибегаем к определению социального пространства, как результату наполнения «физического пространства совокупностью социальных смыслов»³. В современных реалиях физическое пространство уже не воспринимается как единственная плоскость социального существования. Стремительное сращивание социального и технического факторов положило «начало «исчезновения пространства» одной маленькой планеты, подвешенной в электронном эфире современных средств телекоммуникации»⁴. А. Ф. Филиппов отмечает: «пространство теряет социальную релевантность, исчезая из теории и это одна из важнейших современных тенденций»⁵.

Система координат цифровой архитектоники, опосредующая динамическую взаимосвязь структурных элементов, обогащается дополнительными параметрами, появляется новая область для технологически модифицированных социальных взаимодействий - цифровое социальное пространство. Свойства цифрового пространства впитывают свойство самой информации «проникать сквозь любые преграды, уничтожать пространство и время»⁶, что делает крайне сложным определение его границ. «Информационно-Федоровой. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 383 с

¹ Вирилио П. Информационная бомба: Стратегия обмана / Поль Вирилио; [Пер. с фр. И. Окунева]. - М. : Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры»: Гнозис, 2002. – 190 с.

² Elias N. Society of Individuals Die Gesellschaft der Individuen: Per. with him. / Norbert Elias. - M.: Praxis, 2001. -- 331 p

³ Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни — М.: Юрист, 1996. 607 с.

⁴ Вирилио П. Информационная бомба: Стратегия обмана / Поль Вирилио; [Пер. с фр. И. Окунева]. - М. : Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры»: Гнозис, 2002. – 190 с.

⁵ Филиппов А.Ф. Социология пространства. Санкт-Петербург Издательство «Владимир Даль», серия «Civitas Terrena» 2008

⁶ Кагель М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. изд. О.И. Шкаратан. – М.: ГУВШЭ, 2000. - 608 с.

коммуникационный универсум» – это не жесткая система, а живая, текучая сфера, постоянно меняющая свои формы и сущности, для обозначения которой лучше всего подходит созданный Станиславом Лемом образ мыслящего Океана планеты Солярис. Любые попытки жестко структурировать информационно-коммуникационный универсум наталкиваются на непреодолимые препятствия»¹. Традиционные средства демаркации, разграничений пространства в подобной среде малоэффективны, но обратимся к их более широкому пониманию. Н. Луман рассматривал границы в качестве основы для построения динамической системы как «обозначения различия, позволяющие опознать - на какой стороне формы находится наблюдатель»². Г. Зиммель отмечал, что пространство для нашего практического использования разнится на части, очерченные границами, гарантирующими структурное единство и одновременное отличие от внешних элементов и определяя границу как «социологический факт, который принимает пространственную форму и становится живой энергией»³.

Ретроспективный анализ коэволюционного институционального формирования цифровой архитектоники демонстрирует парадоксальную ситуацию: в условиях современных эволюционно-революционных потрясений цифровую оболочку оперативно (и даже форсировано) получили наиболее важные сферы общественной жизни (экономика, образование, государственное управление), но именно в зоне их ответственности возможно «исчезновение пространства», что образует потенциал для условной экстерриториальности или частичного нивелирования национальных границ.

В свою очередь, несвоевременное или некорректное регулирование цифровых сфер, отсутствие привязки к соответствующему комплексу формальных регуляторов, ставит под угрозу не только устойчивость цифровых надстроек, но и всю институциональную структуру. Как видим, несмотря на всю очаровательную эфемерность цифрового «универсума», объективная необходимость привнесения в систему «живой энергии» границы, существует. Но каким образом можно разрешить этот парадокс?

Анализируя перемены, происходящие в современном обществе А. Ассман обращает внимание: «центральные оппозиции уже не воспринимаются в виде антагонистических начал, а «рассматриваются в диалектически напряженной взаимосвязи»⁴. Примером подобного симбиоза изначально противоречивых концепций становится популяризация тенденций «глобальной регионализации» и возникновение теории сегментации цифрового социального пространства, сформировавшейся в противовес теориям глобальной информационной конвергенции. Теория сегментации предполагает необходимость и возможность распространения принципа территориальности на цифровое про-

¹ Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакommunikаций: монография / И.М. Дзялошинский; под ред. Л.К. Лободенко. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. – 551 с.

² Luhmann N. Einführende Bemerkungen zu einer Theorie symbolisch generalisierter Kommunikationsmedien // Idem. Aufsätze und Reden. S. 60

³ Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни — М.: Юрист, 1996. 607 с.

⁴ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.

странство. Определение и структурирование цифрового социального пространства, как «многомерного образа подпространств»¹, дает представление о наборе характерных институтов, процессов или средовых особенностей, функционально взаимосвязанных между собой и соотнесенных с физическим пространством, что играет решающую роль при определении возможной системы формальных норм для оптимального регулирования отдельного локального сегмента. Защитным же механизмом, гарантирующим эффективное обложение системы и устойчивое ее развитие, в ситуации, когда свойства цифрового социального пространства потенциально позволяют преодолеть условности его территориальной составляющей, нивелируя национальные границы, выступает «эмерджентное свойство сложной системы»² - цифровой информационный суверенитет.

П. Белланже определяет цифровой суверенитет как «контроль нашего бытия и нашей судьбы во время самореализации и использования технологий и компьютерных сетей»³. П. Грант, как «способность и свободу выбирать, генерировать, приобретать или применять, строить и эксплуатировать коммерческие технологии, необходимые для промышленных инноваций»⁴. Данные определения наглядно демонстрируют расширение круга акторов традиционного суверенитета, при переходе его в «цифровую» форму. Помимо цифрового суверенитета государства, предлагается дополнительно выделять: суверенитет киберпространства, цифровой суверенитет коренных народов, цифровой суверенитет общественных движений, личный цифровой суверенитет⁵, локальный, национальный технологический суверенитет и саму технологию, как средство достижения независимости⁶. Не отрицая важности каждого из предложенных видов, отметим: именно цифровой суверенитет государства является наиболее эффективным инструментом, «автоматическим предохранителем» и элементом системы сдерживания на формальном уровне регулирования.

«Платоновская природа интернета, его идей и информационных потоков окажется иллюзорной, если вспомнить о физической основе всего этого»⁷. Государство обладает огромной властью над механической составляющей сети, так как оно действительно способно «контролировать физическую инфраструктуру»⁸. Возмож-

¹ Бурдые, П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение / П. Бурдые ; пер. с фр., общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко // Социология социального пространства. – СПб.: Алетейя ; М. : Ин-т эксперимент. социологии, 2005. – 288 с.

² Никонов В.А, Воронов А.С, Сажина В.А, Володенков С.В, Рыбакова М.В «Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты» (по материалам экспертного исследования) // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2021. №60.

³ Там же.

⁴ Bellanger P. De la souveraineté numérique // Le Débat. 2012. Vol. 170 (3). P. 149–159

⁵ Grant P. Technological sovereignty: forgotten factor in the “Hi-Tech” Razzamatazz. Critical// Prometheus. – 1983. – Т. 1. – №. 2. – С. 239-270.

⁶ Couture S., Toupin S. (2020) What Does the Notion of “Sovereignty” Mean When Referring to the Digital? International Organisations Research Journal, vol. 15, no 4, pp. 48–69

⁷ Апфельбаум Д., Ассанж Д., Мюллер-Магун Э., Циммерман Ж Шифропанки: свобода и будущее Интернета. Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус; Москва; 2014

⁸ Шмидт, Э. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств / Эрик Шмидт, Джаред Коэн ; пер. с англ. Сергея Филина. — М. :

ность достижения этой власти обусловлена самой сутью особого социального института, изначально обладающего суверенитетом в его традиционном понимании и имеющего возможность оперативно вносить изменения в комплекс формальных нормативных регуляторов, применяя средства государственного принуждения, что «сохраняет фундаментальное значение даже для самых революционных глобальных коммуникационных технологий»¹. Реальное обретение и удержание подобного господства с сохранением баланса общественных сил без излишнего вмешательства в национальные социальные механизмы, становится индикатором качества властного управления, так как «техническая рациональность сегодня является рациональностью господства как такового»².

Наличие работающей системы «социальных предохранителей» на формальном и неформальном уровнях регулирования институциональной системы цифровой архитектоники принципиально важно. Отметим, что индикатором наличия выявленной нами системы сдерживания и сбалансированной ее работы может послужить появление в законодательстве Российской Федерации дефиниции «культурный суверенитет» - «принятие мер по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия»³, элегантно объединяющей оба уровня.

Дальнейшее формирование стратегии устойчивого цифрового развития предполагает конкретизацию ее направлений. Ю. Хабермас отмечал целесообразность одновременного развития модернизационных процессов в двух областях: «инструментально-технической» и «коммуникативно-культурной»⁴. Т. Смит проектировал проведение модернизации в трех уровнях сегментированного цифрового пространства: «hardware» (материальная инфраструктура), «software» (программное обеспечение) и «wetware» (коммуникативные практики, сложившиеся в рамках национального сегмента информационного пространства)⁵.

Обобщая результаты нашего исследования предположим эффективность и практическую значимость устойчивого развития социального пространства национального сегмента цифровой архитектоники по схеме: «технологичность – нормативность – идентичность-безопасность», в которой:

- технологичность – разработка и усовершенствование собственных эффективных программных продуктов и цифровых сервисов во всех ключевых сферах жизнедеятельности в национальных сегментах цифрового пространства, независимое

Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 368 с.

¹ Голдсмит Д. Ву Т. Кто контролирует интернет? Иллюзии безграничного мира. Издательство Оксфордского университета (Oxford University Press, Inc.) 2006

² Хоркхаймер М. Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. Перевод с немецкого М. Кузнецова. Медиум. Ювента. Москва - Санкт-Петербург 1997

³ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года №685 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»

⁴ Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main. 3. Auflage. 1985. Bd. 1. S. 36.

⁵ Smith T. G. Politicizing Digital Space: Theory, the Internet, and Renewing Democracy. London, 2017.

управление ими; совершенствование цифрового пространства с возможным преодолением негативных характеристик пространства физического;

- нормативность – формирование и обновление нормативно-правовой основы, обеспечивающей безопасное и эффективное функционирование единого гомогенного национального цифрового социального пространства, обеспечивающее при необходимости оперативное включение и адаптацию новых субъектов;

- идентичность - формирование независимости в глобальном информационном пространстве; самостоятельный и независимый выбор общественно-политического и экономического курсов, обусловленных национальными культурными особенностями;

- безопасность – выстраивание системного противодействия процессам цифрового проникновения в ключевые сферы жизнедеятельности государства и общества со стороны внешних субъектов геополитического противоборства на макроуровне; комплексная цифровая социализация участников социальных взаимодействий, происходящая с учетом объективных и субъективных особенностей, на микроуровне.

Анализ статистики по вышеуказанным направлениям способен наглядно проиллюстрировать не только успехи в достижении основных мониторинговых показателей, но и выявить объективные и субъективные причины потери модернизационного потенциала. Так: количество подключенных к сети интернет отдельных пользователей, домовладений, органов государственной власти и организаций демонстрирует стабильный рост, но, более пристальный анализ этого показателя одновременно высвечивает цифровое неравенство: Северо-Кавказский федеральный округ аккумулирует 6,9% от общего населения Российской Федерации, при этом не используют доступ в интернет 8,4% граждан СКФО, в том числе по причинам: недостатка соответствующих навыков – 42,8%; высоких затрат на подключение - 14,7%; ввиду отсутствия технической возможности подключения к сети - 3,3%¹. Анализ причин отказа населения от использования сети Интернет при получении государственных и муниципальных услуг по субъектам Российской Федерации демонстрирует: почти четверть от общего количества пользователей СКФО в качестве наиболее популярной причины указали приоритетность личного визита и персонального контакта: 53% по СКФО, 64,1% - в Карачаево-Черкесской Республике и 20,41 % - по Ставропольскому краю².

Совокупность данных свидетельствуют о наличии объективных и субъективных причин потери модернизационного потенциала. К объективным аспектам возможно отнесение особенности государственного устройства Российской Федерации; обширность и неоднородность физических территорий, обуславливающей в силу определенных природных особенностей специфику локальных зон покрытия, и затрудняющей распространение инфокоммуникационных сетей, но

¹ Социально-экономическое положение Северо-Кавказского федерального округа в 2021 году. Статистический сборник Федеральной службы государственной статистики. Москва. 2022.

² Информационное общество в Российской Федерации. 2020 : статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020.

одновременно повышающих значимость скорейшего выстраивания гомогенного цифрового социального пространства.

Субъективный аспект формируется в силу недостаточной цифровой социализации пользователей, затрудняющей использование технологий или, наоборот, является проявлением той самой культурной инертности, сигнализирующей о преждевременности или вовсе ненужности нововведений именно в этом сегменте регулирования.

Подобный анализ каждого предложенного направления устойчивого цифрового развития представляет собой большой практический и научный интерес, а рассмотрение и преодоление выявленных противоречий поможет наилучшим образом реализовать модернизационный потенциал сфер цифровой архитектоники.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Хайдеггер М. «Время и бытие» (статьи и выступления) М.: Республика, 1993
2. Федотова В.Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. No 12. С. 3-21.
3. Habermas J.. *Moderne und Postmoderne Architektur* (1981) // J. Habermas. *Die Neue Unübersichtlichkeit. Kleine Politische Schriften V.* S. 11—29 © Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main 1985.
4. Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы. — М.: Алгоритм, 2007. — 272 с. — (Философский бестселлер). ISBN 978-5-9265-0329-3
5. Устойчивое развитие: Новые вызовы: Учебник для вузов/ Под общ. ред. В. И. Даниловой-Данильяна, Н. А. Пискуловой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. — 336 с.
6. Meyer E.C. *Social Aspects of Sustainability*. Münster, 2000, January.
7. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 383 с. - Пер. изд.: Beck U. *Risikogesellschaft*. - Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986
8. Вирилио П. Информационная бомба: Стратегия обмана / Поль Вирилио; [Пер. с фр. И. Окунева]. - М. : Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры»: Гнозис, 2002. - 190 с.
9. Elias N. *Society of Individuals Die Gesellschaft der Individuen: Per. with him.* / Norbert Elias. - М.: Praxis, 2001. -- 331 p .; 21 cm - (Image of Society) (CEU)
10. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакommunikаций: монография / И.М. Дзялошинский; под ред. Л.К. Лободенко. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. — 551 с. — (Сер. «Цифровая цивилизация. Медиакommunikации. Интернет-маркетинг». — Вып. 1).
11. Luhmann N. *Einführende Bemerkungen zu einer Theorie symbolisch generalisierter Kommunikationsmedien* // Idem. *Aufsätze und Reden*. S. 60
12. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
13. Bellanger P. *De la souveraineté numérique* // *Le Débat*. 2012. Vol. 170 (3). P. 149–159
14. Grant P. *Technological sovereignty: forgotten factor in the “Hi-Tech” Razzamatazz*. *Critical//Prometheus*. — 1983. — Т. 1. — №. 2. — С. 239-270.
15. Couture S., Toupin S. (2020) What Does the Notion of “Sovereignty” Mean When Referring to the Digital? *International Organisations Research Journal*, vol. 15, no 4, pp. 48–69 DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-03
16. Голдсмит Д. Ву Т. Кто контролирует интернет? Иллюзии безграничного мира. Издательство Оксфордского университета (Oxford University Press, Inc.) 2006
17. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года №685 «О Стратегии

национальной безопасности Российской Федерации».

18. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main. 3. Auflage. 1985. Bd. 1. S. 36.

19. Smith T. G. Politicizing Digital Space: Theory, the Internet, and Renewing Democracy. London, 2017.

REFERENCES

1. Heidegger M. "Time and Being" [*Vremya i bytie*] (articles and speeches) M.: Respublika, 1993

2. Fedotova V.G. Non-classical modernizations and alternatives to the modernization theory [*Neklassicheskie modernizacii i al'ternativy modernizacionnoj teorii*]// Questions of Philosophy. 2002. No 12. S. 3-21.

3. Habermas J.. Moderne und Postmoderne Architektur (1981) // J. Habermas. Die Neue Unübersichtlichkeit. Kleine Politische Schriften V. S. 11—29 Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main 1985.

4. Jaspers K., Baudrillard J. Ghost of the crowd [*Prizrak tolypy*]. — M.: Algorithm, 2007. — 272 p. — (Philosophical bestseller). ISBN 978-5-9265-0329-3

5. Sustainable Development: New Challenges [*Ustoichivoe razvitiye: Novye vyzovy*]: A Textbook for High Schools / Ed. ed. V. I. Danilov-Danilyana, N. A. Piskulova. - M.: Publishing house "Aspect Press", 2015. - 336 p.

6. Meyer E.C. Social Aspects of Sustainability. Münster, 2000, January.

7. Beck W. Risk society: On the way to another modern [*Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu*] / Per. with him. V. Sedelnik, N. Fedorova. - M.: Progress-Tradition, 2000. - 383 p. - Per. ed.: Beck U. Risikogesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986

8. Virilio P. Information bomb: Strategy of deception [*Informacionnaya bomba: Strategiya obmana*] / Paul Virilio; [Trans. from fr. I. Okuneva]. - M.: Fund scientific. research "Pragmatics of Culture": Gnosis, 2002. - 190 p.

9. Elias N. Society of Individuals Die Gesellschaft der Individuen: Per. with him. / Norbert Elias. - M.: Praxis, 2001. -- 331 p.; 21 cm - (Image of Society) (CEU)

10. Philosophy of digital civilization and transformation of media communications: monograph [*Filosofiya cifrovoy civilizacii i transformaciya mediakommunikacii*] / I.M. Dzyaloshinskiy; ed. OK. Lobodenko. - Chelyabinsk: Publishing Center of SUSU, 2020. - 551 p. - (Ser. "Digital civilization. Media communications. Internet marketing." - Issue 1).

11. Luhmann N. Einführende Bemerkungen zu einer Theorie symbolisch generalisierter Kommunikationsmedien // Idem. Aufsätze und Reden. S. 60

12. Assman A. Has the connection of times broken up? The Rise and Fall of the Modern Temporal Regime [*Raspalas' svyaz' vremeni? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna*]. M.: New Literary Review, 2017. 272 p.

13. Bellanger P. De la souveraineté numérique // Le Débat. 2012. Vol. 170 (3). P. 149–159

14. Grant P. Technological sovereignty: forgotten factor in the "Hi-Tech" Razzamatazz. Critical//Prometheus. — 1983. — T. 1. — №. 2. — С. 239-270.

15. Couture S., Toupin S. (2020) What Does the Notion of "Sovereignty" Mean When Referring to the Digital? International Organisations Research Journal, vol. 15, no 4, pp. 48–69 DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-03

16. Goldsmith D., Wu T. Who Controls the Internet? Illusions of the boundless world [*Kto kontroliрует internet? Illuzii bezgranichnogo mira*]. Oxford University Press, Inc. 2006

17. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 685 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" [*Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii*].

18. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main. 3. Auflage. 1985. Bd. 1. S. 36.

19. Smith T. G. Politicizing Digital Space: Theory, the Internet, and Renewing Democracy. London, 2017.